

Хромой бес

Ален Рене Лесаж

ХРОМОЙ БЕС

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
Л50

Перевод с французского Евгения Гунста

Лесаж, А. Р.

Л50 Хромой бес / А. Р. Лесаж; [пер. с фр. Е. Гунст]. – М. :
T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 294 с.

ISBN 978-5-521-74544-9

Ален Рене Лесаж (1668–1747) – знаменитый французский романист и драматург. Самым известным произведением Алена Рене Лесажа стал роман «Хромой бес» (1707), в котором бес любострастия, азартных игр и распутства, изобретатель каруселей, танцев, музыки, комедии и всех новейших мод открывает взору студента всё тайное и интимное в личной жизни жителей города, тщательно оберегаемое от посторонних глаз и ушей. В нём Лесаж продолжает обличительные традиции французского бытового романа XVII века.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74544-9

© T8RUGRAM, 2018

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2018

© Перевод. Е. Гунст, наследники, 2018

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Кто такой Хромой Бес. Где и каким образом
с ним познакомился дон Клеофас-Леандро-Перес
Самбульо*

Октябрьская ночь окутывала густым мраком славный город Мадрид. Горожане уже разошлись по домам, а на опустевших улицах остались одни только влюбленные, собиравшиеся воспеть свои печали и радости под балконами возлюбленных звуки гитар уже тревожили отцов и ревнивых мужей. Словом, было около полуночи, когда дон Клеофас-Леандро-Перес Самбульо, студент из Алькала, стремительно выскочил из слухового окошка некоего дома, куда завлек его нескромный сын богини острова Цитеры. Студент пытался сохранить жизнь и честь свою и ускользнуть от трех или четырех наемных убийц, гнавшихся за ним по пятам, чтобы умертвить его или насильно женить на даме, с которой они его застали.

Хотя он был один против них, он храбро защищался и лишь тогда обратился в бегство, когда в схватке у него была выбита шпага. Некоторое время они гнались за ним по крышам, но благодаря темноте ему удалось укрыться от преследования. Беглец направился на свет, замеченный им еще издалека, и, хотя свет этот еле мерцал, он служил ему маяком в этих столь трудных условиях. Не раз рискуя сломать себе шею, дон Клеофас достиг чердака, откуда пробивались лучи света, и влез в окно вне себя от радости, как лощман, благополучно вводящий в гавань корабль, которому угрожало крушение.

Он огляделся по сторонам и, очень удивившись, что в конуре, которая показалась ему довольно странной, никого нет, принялся с большим вниманием рассматривать ее. Он увидел

подвешенную к потолку медную лампу, книги и бумаги, в беспорядке разбросанные на столе, глобус и компасы по одну его сторону, пузырьки и квадранты — по другую. Все это навело его на мысль, что внизу живет какойнибудь астролог, который приходит в это убежище для научных наблюдений.

Вспоминая об опасности, которой ему удалось так счастливо избежать, он раздумывал, переждать ли ему здесь до утра или поступить иначе, как вдруг услышал возле себя протяжный вздох. Сначала он принял этот вздох за игру своего расстроенного воображения, за ночное наваждение и потому не обратил на него особого внимания.

Но, услышав вздох вторично, он убедился, что это нечто вполне реальное, и, не видя никого в комнате, воскликнул:

— Что за черт тут вздыхает?

— Это я, сеньор студент, — тотчас же ответил ему голос, в котором было что-то необычайное. — Вот уже полгода как я закупорен в одной из этих склянок. Тут в доме живет ученый астролог, он же и чародей; силою своего искусства он держит меня взаперти в этой темной темнице.

— Стало быть, вы дух? — спросил дон Клеофас, немного взволнованный необычайностью приключения.

— Я бес, — отвечал голос. — Вы пришли сюда очень кстати, чтобы освободить меня из неволи. Я томлюсь от праздности, потому что из всех чертей преисподней я самый деятельный и самый живой.

Эти слова слегка испугали сеньора Самбульо, но так как он был от природы храбр, то взял себя в руки и сказал духу твердым голосом:

— Сеньор бес, объясните мне, пожалуйста, какое положение занимаете вы среди ваших собратьев: благородный ли вы демон, или же простого звания?

— Я важный черт, — ответил голос, — и пользуюсь большой известностью и на том и на этом свете.

— А случайно не тот ли вы демон, которого зовут Люцифером? — спросил Клеофас.

— Нет, — ответил дух. — Люцифер — черт шарлатанов.

— Вы Уриэль? — продолжал студент.

— Фу! — сразу же перебил его голос. — Уриэль — покровитель купцов, портных, мясников, булочников и прочих жуликов из третьего сословия.

— Так, может быть, вы Вельзевул? — спросил Леандро.

— Вы надо мной насмехаетесь, — обиделся дух. — Вельзевул — демон дуэний и оруженосцев.

— Удивляюсь, — сказал Самбульо. — А я-то считал его одной из важнейших персон вашего общества.

— Это один из самых незначительных наших подданных. У вас превратные понятия об аде, — отвечал бес.

— Значит, — сказал Дон Клеофас, — вы — Левиафан, Бельфегор или Астарот.

— О, что касается этих трех, — ответил голос, — это бесы первого ранга. Это — придворные духи. Они заседают в советах государей, вдохновляют министров, составляют союзы, поднимают восстания в государствах и зажигают факелы войны. Это не такие бездельники, как те черти, которых вы называли сначала.

— Скажите, пожалуйста, — продолжал студент, — в чем состоят обязанности Флажеля?

— Он — душа крючкотворства, дух адвокатского сословия, — ответил бес. — Это он придумал все формальности, которые соблюдаются судебными приставами и нотариусами. Он воодушевляет тяжущихся, сидит в адвокатах и обурекает судей. А у меня другие занятия: я устраиваю забавные браки —

соединяю старикашек с несовершеннолетними, господ — со служанками, бесприданниц с нежными любовниками, у которых тоже нет ни гроша за душой. Это я ввел в мир роскошь, распутство, азартные игры и химию. Я изобретатель каруселей, танцев, музыки, комедии и всех новейших французских мод. Одним словом, я Асмодей, по прозванию Хромой Бес.

— Как! — воскликнул дон Клеофас. — Вы тот прославленный Асмодей, о котором есть знаменитые указания у Агриппы и в «Ключах Соломона»? Однако вы мне рассказали не про все ваши проказы. Вы забыли самое интересное. Я знаю, что вы иногда развлекаетесь тем, что содействуете несчастным любовникам. Доказательством служит то, что в прошлом году один мой приятель, бакалавр, добился при вашей помощи благосклонности жены некоего доктора из университета города Алькала.

— Правда, — отвечал дух, — но это я приберегал вам напоследок. Я бес сладострастия, или, выражаясь более почтительно, я бог Купидон. Это нежное имя мне дали господа поэты: они рисуют меня в очень привлекательном виде. Они утверждают, что у меня золотые крылышки, повязка на глазах, в руках лук, за плечами колчан со стрелами и что при этом я восхитительно хорош собой. Вы сейчас увидите, сколько тут правды, если выпустите меня на свободу.

— Сеньор Асмодей, — возразил Леандро-Перес, — как вам известно, я давно и безраздельно вам предан, это подтверждает хотя бы та опасность, которой я только что избежал. Я очень рад случаю быть вам полезным, но сосуд, в котором вы заключены, наверное, заколдован. И напрасны будут мои попытки откупорить или разбить его. Вообще не знаю, каким образом мог бы я освободить вас из заключения. Я не очень-то опытен в подобных делах; и, между нами говоря, если такой ловкий бес,

как вы, не может сам выпутаться из беды, то под силу это жалкому смертному?

— Людям это доступно, — отвечал бес. — Сосуд, в котором я заключен, — простая стеклянная бутылка; ее легко разбить. Вам стоит только взять ее и бросить на пол, и я тотчас же предстану пред вами в человеческом образе.

— В таком случае это легче, чем я думал, — сказал студент. — Укажите же мне, в каком сосуде вы находитесь. Тут великое множество одинаковых склянок, и я не могу распознать, которая из них ваша.

— Четвертая от окна, — ответил дух. — И хотя на пробке имеется магическая печать, бутылка всетаки разобьется.

— Хорошо, — сказал дон Клеофас. — Я готов исполнить ваше желание, но меня останавливает еще одно маленькое затруднение: боюсь, что если я окажу вам такую услугу, мне придется за это поплатиться.

— Ничего с вами не будет, — отвечал бес, — напротив, я вас так отблагодарю, что вы не раскаетесь в своем поступке. Я научу вас всему, чему вы только захотите: вы познаете все, что делается на свете: я открою вам человеческие слабости, я стану вашим бесомхранителем, а так как я образованнее, чем Сократ, то берусь сделать вас умнее этого великого философа. Словом, я отдаю себя в ваше распоряжение со всеми моими достоинствами и недостатками: и те и другие будут вам одинаково полезны.

— Заманчивые обещания! — воскликнул студент. — Но вашего брата, господ бесов, обвиняют в том, что вы не так-то уж свято исполняете свои посулы.

— Это обвинение не лишено оснований, — сказал Асмодей. — Большинство моих собратьев действительно не очень-то совестится вас обманывать. Что же касается меня, то, не говоря

уже о том, что я не знаю, как только отплатить за услугу, которой я от вас жду, я — раб своей клятвы и клянусь вам всем, что делает ее нерушимой, что не обману вас. Положитесь на мое заверение, а чтобы доставить вам удовольствие, я берусь этой же ночью отомстить за вас донье Томасе, коварной даме, которая спрятала у себя четырех злодеев, чтобы поймать вас и заставить на ней жениться.

Молодой Самбульо был особенно восхищен этим последним обещанием. Чтобы ускорить его исполнение, он поспешил взять сосуд, где помещался дух, и, не заботясь о том, что может из этого произойти, с размаху бросил его на пол. Склянка разлетелась на тысячу осколков и залила пол черноватой жидкостью, которая, постепенно улетучиваясь, превратилась в облачко. Затем и облачко это рассеялось, и перед удивленным студентом предстало человеческое существо в плаще, около двух с половиной футов ростом, опирающееся на костыли. У хромого уродца были козлиные ноги, длинное лицо и острый подбородок. Цвет его лица был изжелта-черный, нос сильно приплюснут, глаза, казавшиеся крошечными, походили на два горящих уголька; непомерно большой рот со страшно отвислыми губами обрамляли длинные рыжие усы, закрученные кверху.

Голова этого прелестного Купидона была повязана красным крепом в виде тюрбана с пучком петушиных и павлиньих перьев. Шею его охватывал широкий воротник из желтого полотна, разрисованный разными бусами и сережками. Он был в короткой белой атласной одежде, опоясанной широкой лентой из нового пергамента, испещренного волшебными письменами. На его платье были изображены различные предметы дамского обихода; красивые ожерелья, шарфы, пестрые фартуки, модные прически, одна замысловатее другой.